

Смурыгина Татьяна Владимировна

**Деревенские рассказы и повести И. А. Салова в
контексте демократической и народнической прозы
1860—1880-х годов**

Специальность 10.01.01 — русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Работа выполнена в ГОУ ВПО

«Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова»

Научный руководитель (консультант)

доктор филологических наук, профессор Лебедев Юрий Владимирович

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор Тамаев Павел Михайлович

кандидат филологических наук, доцент Денисова Тамара Михайловна

Ведущая организация - Шуйский государственный педагогический университет

Защита состоится 24 декабря 2009 года в 15.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.094.04 при Костромском государственном университете им. Н.А.Некрасова по адресу: 156961, г. Кострома, ул.1 Мая, 16, ауд.24.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Костромского государственного университета им. Н.А.Некрасова.

Автореферат разослан 18 ноября 2009 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

М. С. Бондарева

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000623810

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

«У нас есть огромная литература «второстепенных», которую мы совсем не знаем и которая может дать чувству и мысли значительно больше того, что дают сейчас»¹, — говорил М. Горький, который постоянно напоминал еще и о другом: «... поле наблюдений старых, великих мастеров слова было странно ограничено, и жизнь огромной страны, богатейшей разнообразным человеческим материалом, не отразилась в книгах классиков с той полнотой, с которой могла бы отразиться»². Литература «второстепенных» более или менее успешно восполняла оставленный классиками пробел.

В современной науке еще бытует представление, что «второстепенные» писатели лишь «перепевают» мотивы произведений великих классиков. Однако чаще бывает наоборот. М.Е. Салтыков-Щедрин высказал однажды забытую, но верную мысль: «Значение второстепенных деятелей на поприще науки и литературы немаловажно. Они полезны не только в качестве вульгаризаторов чужих идей, но иногда даже в качестве вполне самостоятельных исследователей истины... Очень часто от внимания инициаторов ускользают подробности весьма существенные, которые получают надлежащее развитие лишь благодаря их последователям. Эти последние дают новые подкрепления возникающим жизненным вопросам, проливают на них новый свет и отчасти даже видоизменяют их»³.

Салов принадлежит к замечательной плеяде таких «второстепенных деятелей», которые «обогащали новыми выводами и применениями» живое поле русской литературной жизни. «Один из самых талантливых беллетристов нашего времени», — так характеризовал Салова видный демократический критик и историк литературы А.М. Скабичевский⁴. Крупнейший русский ученый, критик и литературовед А.Н. Пыпин ставил Салова в один ряд с Г.И. Успенским, Ф.М. Решетниковым и даже Л.Н.

¹ Горький М. Беседы с молодыми. М., 1980. — С. 4

² Горький М. Несобранные литературно-критические статьи. — М., 1941. — С. 208

³ Салтыков — Щедрин М.Е. Собр. соч. : В 20 т. — Т. 9. М., 1976. — С. 343.

⁴ Скабичевский А.М. История новейшей русской литературы 1848—1892 годов. — СПб., 1897. — С. 256.

Толстым, отмечая, что «некоторые из его деревенских героев могут считаться в ряду лучших народных типов, какие есть в нашей литературе»⁵.

Для читателей и критиков XIX века творчество Салова было прочно связано с болезненными проблемами пореформенной России, когда старые устои крестьянского хозяйства и крестьянской жизни, державшиеся в течение веков, пошли на слом с необыкновенной быстротой.

Талант Салова отмечали И.С.Тургенев и Д.В.Григорович. Критики видели в нем последователя И.С.Тургенева, сравнивали с Ф.М.Достоевским. А.П.Чехов в шуточной «Литературной табели о рангах» (1886) ставил Салова вслед за любимым своим В.Г. Короленко, за Г.П. Данилевским и Н.Г. Гариним-Михайловским. М.Е. Салтыков-Щедрин постоянно приглашал Салова публиковаться в «Отечественных записках», а когда журнал был закрыт, настоятельно рекомендовал редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу привлечь писателя к сотрудничеству: «По крайней мере, я в своей практике всегда приглашал и по временам напоминал»⁶.

Однако в нашей историко-литературной науке отношение к творчеству Салова страдает односторонностью и субъективностью оценок. Наиболее плодотворный и художественно зрелый период в его творчестве оценивается скептически.

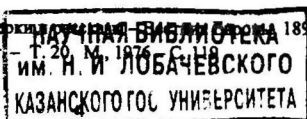
Таким образом, актуальность нашего исследования обусловлена следующими причинами:

Во-первых, обостряющимся вниманием современной историко-литературной науки к русским писателям «второго ряда», незаслуженно забытым и обойденным вниманием отечественного литературоведения.

Во-вторых, тем, что творчество И.А.Салова в ряду второстепенных русских писателей XIX века остается наименее изученным.

⁵ Пышкин А.Н. И.А.Салов. Суэта мирская: Очерки жизни и творчества. М.: Советский писатель, 1984, № 8. – С. 13

⁶ Салтыков – Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. – Т. 20. М., 1976. С. 117

В-третьих, неповторимым своеобразием Салова в освещении актуальной в 1870-е годы проблемы жизни русской деревни, в которой «всё перевернулось и только ещё укладывалось».

В-четвёртых, тем, что деревенские повести и рассказы Салова, свободные от идеологической предвзятости, но обладающие талантом эстетического созерцания, дают новый и неожиданный поворот в художественном осмыслении исторических судеб деревенского мира.

На основании анализа работ наших предшественников, с учетом актуальности и недостаточной изученности творческого наследия И. А. Салова нами сформулирована следующая **проблема исследования**: «Деревенские рассказы и повести И.А.Салова в контексте демократической и народнической прозы 1860—1880-х годов».

Целью исследования является выявление особенностей художественного изображения пореформенной русской деревни в прозе Салова 1860—1890-х годов.

На основании данной цели сформулированы следующие **задачи**:

1. изучить наиболее существенные произведения деревенской прозы Салова 1860—1890-х годов;
2. провести сравнительно-типологическое исследование прозы Салова с творчеством писателей-демократов 1860-х и писателей-народников 1870—1880-х годов;
3. выявить своеобразие художественного метода Салова в освоении народной жизни на фоне его предшественников и современников.

Объектом исследования являются деревенские рассказы и повести И.А.Салова 60—90-х годов XIX века в их типологических взаимосвязях с прозой демократов-шестидесятников и народников-семидесятников.

Предметом исследования являются особенности художественного освоения Саловым новых явлений народной жизни.

Основные результаты нашего исследования заключаются в том, что, осваивая тургеневские традиции в освещении народной жизни, Салов, в

отличие от демократов-шестидесятников (Н. Успенского, Ф. Решетникова), удерживает в своей прозе высокое поэтическое содержание, но в то же время избегает и той идеализации общинных начал в народных характерах, которая была слабым местом народнической беллетристики. Свободное от идеологической предвзятости, художественное созерцание Салова охватывает более широкую и многогранную картину деревенской жизни 1860—90-х годов. Не акцентируя своего внимания на общинной организации деревенской жизни, Салов выявляет субъективные, нравственные причины социального расслоения и распада деревенской общины, связанные с духовным кризисом, переживаемым русской деревней во второй половине XIX века.

Художественный метод Салова мы определяем в своей работе как синтез романтизма с натурализмом. При этом мы освобождаем натурализм конца XIX века от того уничижительного оттенка, который, к сожалению, закрепился за ним в советском литературоведении. Опираясь на исследования А. Б. Муратова, В. И. Кулешова, А. А. Демченко, Г. К. Щенникова, мы показываем, что русские натуралисты уходят в сторону от коренных традиций отечественного реализма, в центре внимания которого всегда оказывался общенациональный масштаб художественных обобщений, а потому и характеры героев приобретали всероссийское звучание. «Русский способ изображать всякое жизненное явление “на миру”, в общенародном кругу, “соборно” есть и способ наиболее поэтический, — так писал о своеобразии русского реализма Н. Я. Берковский. — Русская эстетика состоит во внедрении всякого индивидуального образа в общий образ России, в том, что индивидуальный образ вживается в этот другой, общий»⁷. Натуралисты, напротив, ограничивали поле своих наблюдений отдельными профессиональными группами или частными индивидуальностями. На первый план здесь выходила «правда жизни» со всеми её случайностями и

⁷ Берковский Н. Я. О мировом значении русской литературы. — Л., 1975. — С. 40

подробностями. Их привлекали не жизненные «вершины», не красивая, организованная и уравновешенная поверхность жизненного потока, а его «подводная», «изнаночная» глубина.

Уступая реалистам-классикам в масштабах художественных обобщений, русские натуралисты превосходили их в изображении таких мелочей и подробностей русской жизни, которые от классиков ускользали. В то же время, в качестве противовеса натуралистическому эмпиризму в творчестве некоторых русских натуралистов, к числу которых принадлежал Салов, возрождаются романтические мотивы.

Методология исследования определяется поставленной нами целью работы и особенностями изучаемого материала. В диссертации применяется комплекс методов: историко-генетический и структурный в процессе анализа генетических истоков и особенностей поэтики прозы Салова, а также сравнительно-типологический в ходе исследования творчества Салова в его диалогических взаимосвязях с прозой демократов-шестидесятников и народников-семидесятников.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечивается опорой на труды наших предшественников, посвящённые оценкам деревенской прозы Салова (А.В. Артемьева, П.В.Быков, И.Д.Воронин, В. В. Танаков, И. Кузнецов, Г.Л. Никонов, А.Н. Пыпин, А.Н.Розов), основным этапам его творческого пути (А.А. Волков, Т.П. Ден, Л.В. Милов, Т.Н. Ковалева). Существенную помощь нам оказали труды, посвящённые антиинигилистической прозе писателей второй половины XIX века (В.Г. Базанов, Т.П. Ден, А.А.Малиновский, Н.С. Плещунов, Ю.С. Сорокин, Н.Н. Старыгина, И.В. Столярова, А.Г. Цейтлин). В диссертации использованы работы, посвящённые проблемам формирования художественного метода демократов-шестидесятников и народников-семидесятников (А.А.Волков, М.М. Громыко, А.А. Демченко, П.А.Кропоткин, Е. Н. Круглова, В. И. Кулешов, Ю.В.Лебедев, Т.П. Маевская, А. Б. Муратов, В.Б.Смирнов, Н.И.Соколов, А.М. Скабичевский, Г. К.

Щенников, А.И. Яцимирский и др.). Наконец, в нашем исследовании мы опирались на труды современных учёных, посвящённые духовно-нравственным истокам русской литературы XIX века (М.М. Дунаев, Ю.В.Лебедев, П. М. Тамаев и др.).

Апробация и внедрение результатов исследования осуществлялись на заседаниях кафедры литературы КГУ им. Н.А.Некрасова, научно-практических конференциях, семинарах: «Особенности духовно-нравственного развития молодого поколения» (Кострома, 2005), «Опытно-экспериментальная работа в системе начального и среднего профессионального образования» (Кострома, 2006), «Особенности преподавания в НПО и СПО» (Кострома, 2006), «Научно-исследовательская деятельность учащихся и взаимодействие преподавателей по ее организации» (Кострома, 2006), на ежегодных педагогических чтениях Начального Профессионального образования «Современные образовательные технологии в системе НПО» (Кострома, 2007), на конференции «Управление качеством профессионального образования» (Кострома, 2007), «Формы социально-педагогической помощи учащимся НПО и СПО» (Кострома, 2007), на областной конференции молодых учёных «Шаг в будущее» (Костромская область, 2008), на конференции «Методическое сопровождение внедрения современных образовательных технологий» (Кострома, 2008), на IV Межрегиональном мастер-классе с использованием материала по данному исследованию для внеклассных изучений литературы (Кострома, 2008), на педагогических чтениях «Основы модернизации образования в СПО» (Кострома, 2009), на II-й Международной научно-практической конференции «Духовно-нравственные основы русской литературы» (Кострома, КГУ, 2009).

Научное и прикладное значение диссертации заключается в том, что её результаты могут быть учтены в университетских общих и специальных курсах истории русской литературы XIX века, а также в школьном изучении литературы второй половины XIX века..

Научная новизна и теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней систематизированы сведения о жизни и творчестве И.А.Салова, раскрыты особенности художественного метода писателя в контексте демократической и народнической прозы 1860—1880-х годов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Целостный взгляд Салова на жизнь народа, схватывающий её в полноте социальных, эстетических и нравственных начал, пришёлся не по вкусу демократическому читателю 1860-х годов, наиболее ярко и последовательно воплотившемуся в статье Н. Г. Чернышевского «Не начало ли перемены?», посвящённой разбору народных рассказов Николая Успенского. Крестьянская жизнь представала со страниц произведений Н. Успенского бестолковой и бессмысленной. Изображался распад человеческих связей под тяжким бременем нищеты, социальной неустроенности, невежества и всеобщего неблагополучия. Салов, стремившийся к тургеневской объективности и полноте в изображении народной жизни, оказался не понятым и не принятым читателями начала 1860-х годов. Именно это и заставило его сойти на время с литературного поприща.

Возвращению Салова в литературу немало способствовала изменившаяся в 1870-е годы литературная ситуация. Уже в статье «Напрасные опасения» (1868) Салтыков-Щедрин подверг решительной критике односторонний подход к освещению народной жизни в творчестве демократов-шестидесятников и вступил в полемику со статьёй Чернышевского «Не начало ли перемены?» (1861). В литературной критике и во вкусах читателей 1870-х годов наметился своеобразный возврат к той художественной полноте изображения народной жизни и народных характеров, который в 1840-е годы утверждался искусством Тургенева, а в 1860-е годы был подхвачен творчеством Салова. Изменившаяся в 1870-е годы литературная ситуация не могла не вдохновить Салова на продолжение писательского пути.

2. Однако литературная позиция Салова существенно отличалась от радикального крыла народнической прозы. В повести «Грачёвский крокодил» характеристика нигилистов у Салова двойственна и противоречива. Они изображаются то как силы зла, то как люди, глубоко сочувствующие народным бедам и несчастьям, искренно старающиеся помочь крестьянству. Возникновение нигилистической идеологии Салов связывает с духовным кризисом русской интеллигенции, потерявшей веру в Бога и устремившейся к поиску нового псевдо-религиозного мировоззрения, определяющего человеческое поведение и человеческую жизнь на всех ее уровнях. Салов сумел разглядеть ряд характерных черт революционного мышления, ярко проявившихся и в последующие периоды нашей истории: следование принципу «цель оправдывает средства», готовность построить справедливое общество ценой многих жизней; высокомерное и утилитарное отношение к человеку как к «материалу» для обработки и использования; фанатизм, доходящий до моральной неразборчивости.

3. Вслед за Златовратским и Глебом Успенским Салов усматривает причины распада крестьянской общины в духовном кризисе, в который погружается русская пореформенная деревня. Но художественно эта проблема преломляется в их творчестве по-разному. Характерная особенность писательской манеры Глеба Успенского – обилие зарисовок, связанных между собою не единством фабульной линии, а публицистическими обобщениями писателя, не претендующими на абсолютную достоверность. В творчестве Успенского происходит органический сплав публицистической мысли и художественного образа. Салов, напротив, предпочитает не рассказывать, а показывать. Публицистический и оценочный момент в его произведениях приглушён. Это приводит порою Салова к натуралистическому эмпиризму, к размытости, нечёткости авторской точки зрения на происходящее. Собственно лирическое начало у него проявляется лишь в описаниях природы, смягчающих драматизм беспристрастно показанных картин и придающих повествованию

романтическую обобщённость. Тем самым в творчестве Салова предвосхищается тот синтез романтических и натуралистических начал, которым отмечена проза многих писателей рубежа XIX—XX веков, и который наиболее чётко и осознанно проявился в творчестве и литературно-критических работах В. Г. Короленко.

4. Символизация художественных образов, наметившаяся в русской поэзии и прозе 1870-х годов, наблюдается в эти годы и в творчестве Салова. В его рассказе «Паук» художественно реализуется известная народная поговорка — «живут, как пауки в банке». Паучий нрав современных буржуа проявляется и в их отношениях друг с другом, и в их отношении к народу, и во внутреннем мире каждого из них в отдельности. Здесь Салов следует за открытиями Салтыкова-Щедрина в его романе «Господа Головлёвы». Но в отличие от своего именитого предшественника Салов как наследник тургеневской традиции не прибегает к сатирическому заострению художественного образа, изобразительные детали в его рассказе лишь устремляются к символизации, к собирательному образу паука, ёмкая характеристика которого дана не в самом рассказе, а в эпиграфе к нему.

5. В работах о творчестве Салова принято отождествлять его пейзажи с картинами природы в «Записках охотника» Тургенева. Но в отличие от Тургенева, народные характеры у Салова от природы чаще всего отчуждены. На смену единству и гармонии приходит контраст. А потому пейзажи Салова, в сравнении с тургеневскими, менее индивидуализированы и конкретизированы: они не нацелены на изображение единства той или иной народной индивидуальности с тем или иным конкретным природным лейтмотивом. Напротив, их функция заключается в том, чтобы создать общее настроение «лёгкого дыхания», гармонического смягчения тех драматических впечатлений, которые автор-рассказчик получил от столкновения с безрадостными сторонами народной жизни.

6. Салов подвергает сомнению краеугольный камень народнической идеологии — идею долга интеллигенции перед народом. В рассказе

«Тернистый путь» он погружает окрылявшую русскую молодёжь идею в повседневный деревенский быт и показывает всю её отвлечённость, книжность и умозрительность.

7. Художественный метод Салова тяготеет к русскому натурализму с его недоверием к масштабным художественным обобщениям, стремлением с максимальной полнотой охватить изображением мелочи и подробности повседневного бытия, интересом к «среднему» человеку, к массовым проявлениям народной жизни, вниманием к «местному», провинциальному жизненному материалу, погоней за ускользающим, переменчивым обликом времени и человека в нём.

В то же время Салов постоянно стремится преодолеть эмпиризм художественных наблюдений ярко выписанными картинами природы, которые поднимают повествование над буднями суровой действительности, которые содержат в себе гармонический идеал, не получающий реализации в характерах людей и в их отношениях друг с другом. Эта лирическая стихия придаёт рассказам и повестям Салова высокое звучание, приглушая в них фактографизм и натуралистическую описательность. Таким образом, в творчестве Салова предвосхищается тот синтез натурализма (реализма) с романтизмом, который утверждал в своём творчестве В. Г. Короленко и который является характерным признаком русской прозы конца XIX века.

Структура работы определяется поставленными целью и задачами, а также спецификой исследуемой проблемы: диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения и библиографического списка, включающего 150 источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы предпринятого исследования, анализируется степень разработанности проблемы, определяются цель, задачи, объект, предмет и научная новизна работы, формулируются положения, выносимые на защиту, определяется

теоретическая и практическая значимость диссертации, представляются методологические основания исследования, сведения об апробации работы и характеристика ее структуры.

В первой главе «Вехи творческого пути И.А.Салова» рассматриваются основные этапы его жизни и творчества, выясняются те жизненные впечатления, которые послужили для него источниками художественных произведений. Здесь же даётся более подробная характеристика первого этапа его творческой деятельности с анализом ключевых рассказов и повестей этого периода: «Забытая усадьба», «Пушиловский регент», «Лесник», «Мёртвое тело», «Барин», Трактир», роман «Бутузка». Мы показываем, как уже в этих произведениях проявились те качества Салова-художника, которые позволяли критикам относить его к «школе беллетристов сороковых годов»: тонкая наблюдательность при внешнем объективизме, мастерство пейзажа, напоминавшее читателям и критикам тургеневские «Записки охотника», многогранное восприятие мира в разных аспектах — социальном, нравственном, эстетическом, картины разложения нравов, разорения помещичьих гнёзд и портреты представителей новых «хозяев жизни» — кулаков и купцов-мироедов.

И уже в ранний период проявились характерные для писательского метода Салова натуралистические тенденции, подмеченные А. М. Скабичевским: «Вы видите ряд снимков с конкретной действительности, несомненно верных и живых; они возмущают вас до последней крайности, но тщетно ждете вы, чтобы автор осветил их философским анализом, чтобы вы могли видеть как причины раскрывающихся перед вами явлений, так и исход из них, — какой бы ни было, но непременно исход»⁸.

В главе отмечаются театральные увлечения Салова, сочинённые им драматическое представление в стихах «Битва под Ахалцихом», драма

⁸ Скабичевский А.М. История новейшей русской литературы 1848–1892 годов. – СПб., 1897. – С. 93

«Каритан», переводы французских мелодрам «Нищая» (1854) и «Слепой» (1860).

Здесь же объясняются причины отхода писателя от литературного творчества во второй половине 1860-х годов и возвращение в литературу в 1870-е годы, а также даётся общая характеристика второго и третьего периодов творчества писателя.

Во второй главе «Повесть И.А.Салова “Грачевский крокодил” в контексте антинигилистической и народнической прозы» выясняется, что литературная позиция Салова в 1870-е годы существенно отличалась от радикального крыла народнической прозы. В повести «Грачёвский крокодил» возникновение нигилистической идеологии Салов связывает с духовным кризисом русской интеллигенции. Писатель сумел разглядеть ряд характерных черт революционного мышления, ярко проявившихся и в последующие периоды нашей истории. Мы устанавливаем, что позиция Салова перекликается с той оценкой, которую даёт нигилистам Н. С. Лесков в своём романе «Некуда». Не случайно в повести, как бы между прочим, сообщается о поведении сына отца Ивана в семинарии, который «испортил однажды иконы, надев на Андрея Первозванного шапку, а великомученице Екатерине подрисовав усы»⁹. Столь же уязвима в нравственном отношении нигистка Мелетина Петровна. Её, совершившую уже не одно преступление, увлекает желание обмануть доверчивую обывательницу российской глубинки, Анфису Ивановну.

Двойственная оценка нигилистов сказывается и в том параллелизме, который устанавливает Салов между ловлей невежественными мужиками и сельскими обывателями в речке Грачёвке крокодила, слух о котором распустили местные нигилисты, и ловлей самих нигилистов уездной администрацией. Для станового Дуботолкова поимка «нигилиста» — предел мечтаний: «Орёшь, орёшь, а поощрения все-таки никакого!.. Хоть бы нигилиста поймать какого!..» — «Зачем он тебе?» — «Как же, толкуй!..

⁹ Салов И.А. Грачевский крокодил. Повести и рассказы. — М., 1984. — С. 335

Вон Ломпетов-то изловил одного, так сначала денежную награду получил, потом благодарность от губернатора, затем орден повесили, а наконец из станowych-то в помощники перевели... Вот это так!.. На грех, ведь, ни одного социалиста в моем стане нет... Только одни паршивые отставные солдатики ругаются, да хромой Ветошинский речи на обедах либеральные говорит... А поймать его все-таки нельзя!» — «А хотелось бы?» — «Еще бы!»¹⁰. И когда полиция обнаруживает в деревнях распространяемые нигилистами брошюры, Дуботолков торжествует: «А коли проявились у нас эти книжонки, значит, проявились и *они*. Теперь у меня сыщики по всему стану рассыпаны! Кишат как муравьи в муравейнике, как гончие собаки по лесу, как пчелы в улье... по деревням, по селам, по хуторам, по базарам, по трактирам, по церквам даже — всюду рассыпались!»¹¹

Осуждая нигилистов за их нравственную распущенность и безбожие, Салов весьма критически относится и к духовенству, изображая многое из того, что не красит представителей русской церкви, призванной укреплять духовные устои в умах и сердцах людей. Характер сельского священника в повести не лишен изъянов, но, вместе с тем, это типичный представитель своего сословия и своего времени. Салов показывает его характер в эволюции. Когда в трудовую жизнь отца Ивана безжалостным вихрем вносятся *порепороченные* потрясения, рушится построенное неусыпными трудами материальное благополучие, надламывается здоровье, исчезает душевное равновесие и покой. В конце повести больной, обедневший, надломленный несчастиями преследуемого полицией сына, отец Иван бросает хозяйство, теряет службу. Новая, глубокая мудрость и человечность приходит к герою. Однако в несчастиях, случившихся с попом Иваном, виноваты, по Салову, не только окружающие обстоятельства, но в первую очередь он сам. В подтексте повести Салова лежит мысль: Божья кара настигает и тех, кто фарисейски служит Богу.

¹⁰ Там же. — С. 310

¹¹ Там же. — С. 358.

В повести «Грачевский крокодил» проявились характерные признаки художественной манеры Салова. Писатель подключается к устойчивой в литературе 1860—70-х годов традиции выносить центральный художественный образ-символ в название произведения — «Взбаламученное море» А. Ф. Писемского, «Некуда» Н. С. Лескова, «Панургово стадо» В. В. Крестовского, «Марево» В. П. Ключникова, «Дым» И. С. Тургенева. Но если в реалистическом произведении, например, у Тургенева, такой образ-символ являлся корневой основой художественного единства произведения, то у Салова он не захватывает всей полноты представленных в повести описательных сцен, которые принимают самодовлеющий характер и соскальзывают в натуралистическую описательность. При этом точка зрения автора в этих описаниях просматривается с трудом. Она или отсутствует, или является крайне неустойчивой. Так, в описании сцены молебна с водосвятием автор сливается с душевной атмосферой той среды, которую он описывает. Юмор его, в отличие от щедринского, лишён здесь сатирической тональности. Это юмор добродушный, с оттенком лирического сочувствия.

Вот именно эта «плавающая» позиция автора и приводит к натуралистической описательности, к избытию подробностей при неустойчивости целостного взгляда на жизнь. Однако в эпоху торжества классического романа, в период исключительного расцвета литературы как особой формы общественного сознания, нужны были люди, которые собирали на глазах у общества пёструю мозаику народной жизни, ничего в ней не усекая и с предельной осторожностью используя специфические возможности литературы. Воображение, игра творческой фантазии — великая сила, но пусть ещё останется жизнь и такую, какою она существует до нашей мысли о ней, до литературной её обработки. Верность жизненному факту стояла на первом плане в творческой работе Салова и по-своему отвечала насущным потребностям времени.

Повесть Салова имеет целый ряд не только художественных, но и тематических признаков, характерных для натуралистического направления:

писателя интересуют не выдающиеся, а массовые явления, в поле зрения его попадает деревенская, волостная и уездная Русь. Внимание писателя-натуралиста обращено к широкой массе провинциальной нигилистически настроенной молодёжи, к тем её кругам, которые живут «отражённым светом» и переживают массовые увлечения и разочарования, вызванные политическими и идеологическими сдвигами в стране в эпоху пореформенной ломки её уклада.

Подмечая связь прозы Салова с творчеством Салтыкова-Щедрина, исследователи советского периода утверждали, что в повести «Грачёвский крокодил» писатель «прибегает для создания типических образов к гиперболизации и гротеску»¹². Мы полагаем, что ни гиперболизация, ни гротеск щедринского типа Салову не свойственны. Образ «грачёвского крокодила» у Салова многозначен и лишён характерной для гротеска сатирической тенденциозности. Скорее он напоминает фантастические, фольклорные образы сказочного типа, характерные для романтической прозы.

Третья глава «Деревенская проза И.А.Салова и творчество русских писателей-народников второй половины XIX века» посвящена выявлению специфики авторской позиции Салова в контексте народнической прозы и включает три параграфа.

В первом параграфе «Духовные истоки кризиса крестьянской общины и патриархальной семьи в творчестве И.А. Салова и писателей-народников» на основе подробного текстуального анализа доказывается, что Салов-реалист, подобно писателям-народникам, стремится в своем творчестве следовать жизненной правде. Это, прежде всего, сближает взгляды Салова и писателей-народников на духовенство, крестьянство, судьбу женщины, крестьянских сирот, труд.

¹² Ден Т.П. Салов // История русской литературы. – Т. 9, ч. 2. – М.; Л., 1956. – С.184.

Отметим, что падение нравов в крестьянской общине связано, по Салову, не столько с экономическим, сколько с духовным обнищанием народа. Яркий тому пример — повесть «Николай Суетной». В произведении показано бессилие невежественных и корыстолюбивых православных пастырей в борьбе с молоканской ересью, начинающей проникать в деревенский «мир». Именно среди молокан сохраняется старая мирская солидарность, чувство локтя и готовность прийти на помощь ближнему в критическую минуту его жизни.

Тематически повесть Салова находится в русле тех же проблем, которые волнуют в эти годы Глеба Успенского. Но художественно эта проблема преломляется в их творчестве по-разному. Салов предпочитает не рассказывать, а показывать. Публицистический и оценочный момент в его произведениях приглушён. Это приводит порою Салова к натуралистическому эмпиризму, к размытости, нечёткости авторской точки зрения на происходящее. Пытаясь преодолеть этот эмпиризм, Салов в наиболее трагических моментах повествования внезапно прерывает его длинными описаниями, оттеняющими контраст между красотами безмятежной природы и бестолочью возмутительных людских отношений. Собственно лирическое начало у него и проявляется лишь в картинах природы, смягчающих драматизм беспристрастно показанных общественных отношений. Именно пейзажи, окрашенные у Салова в романтические тона, вносят лирическую ноту в повествование и удерживают в нём высокий идеал гармонического существования, которого лишена современная жизнь.

Отличается от писателей-народников и отношение Салова к крестьянской общине, далёкое от народнических иллюзий. Салов вступает в полемику с ними, противопоставляя типу благообразного патриархального «мужика-общинника» колючую, непокорную, обладающую чувством собственного достоинства личность крестьянина. Таков рассказ Салова «Иван Огородников. Из летописей села Сластухи» (1885), имеющий прямое диалогическое отношение к циклу Г. И. Успенского «Власть земли».

Успенский поэтизирует «власть земли» над душою крестьянина. Именно эта «власть» сохраняет, по его мнению, в неприкосновенности коренной народный тип: «Оторвите крестьянина от земли, от тех забот, которые она налагает на него, от тех интересов, которыми она волнует крестьянина, — добейтесь, чтоб он забыл “крестьянство”, — и нет этого народа, нет народного мирозерцания, нет тепла, которое идёт от него»¹³.

В рассказе Салова полемику с такой поэтизацией «власти земли» ведёт не автор, а «умственный», много повидавший на своём веку мужик. Ничего, кроме невежества, в безраздельной «власти земли» над душою крестьянина он не видит, никаких эмоций, кроме возмущения этим невежеством, не вызывает у него поэтизируемый Успенским «земледельческий народный календарь»: «И народ живет по-старому, по старым приметам. Коли яркие крещенские звезды, так, вишь, белые ярки будут; коли на Сретенье снежок, так весной дождик; коли трещит Варюха, так береги нос да ухо; Варвара, вишь, мостит, Савва вострит, а Никола гвоздит... Все по-старому! Только кабаков больше стало да совести меньше!.. Словно я не уходил из села, словно как не пятнадцать лет прошло, а ночь единая... Что солнышко освещало, закатываясь, то же самое согрело и встаючи. Даже слеза прошибла меня... заплакал я!.. Нет хуже на свете, как быть темным человеком!..»¹⁴.

В отличие от писателей-народников, Салов подходил к освещению крестьянской жизни с необычной стороны. Народников интересовали в основном драматические процессы, протекавшие в крестьянской общине. Народная жизнь в рассказах Салова описанием внутриобщинных отношений не ограничивается. Она широко открывается навстречу жизни других сословий деревенского общества, вступает с ними в сложные взаимоотношения. Картина при этом значительно расширяется, народный быт теряет

¹³ Успенский Г. И. Собр. соч.: В 9 т. — Т. 5. М., 1956. — С. 116.

¹⁴ Салов И. А. Грачевский крокодил. Повести и рассказы. — М., 1984. — С. 436.

замкнутость и входит в общий строй российской действительности пореформенной поры.

Во втором параграфе «Деревенские “мироеды” в рассказе И.А.Салова “Паук”» рассматривается процесс символизации художественных образов в классической русской поэзии и прозе 1870-х годов; который наметился в эти годы и в творчестве Салова. В его рассказе «Паук» художественно реализуется известная народная поговорка — «живут, как пауки в банке». Паучий нрав современных буржуа проявляется и в их отношениях друг с другом, и в их отношении к народу, и во внутреннем мире каждого из них в отдельности. Здесь Салов следует за открытиями Салтыкова-Щедрина в его романе «Господа Головлёвы».

Но при известном сходстве между творческим методом Салтыкова-Щедрина и Салова существует глубокое различие. Характер Иудушки Головлёва полностью раскрывается через лживое слово, рабом которого герой становится. Этому герою Салтыков-Щедрин неспроста даёт кличку Иудушка, вызывающую прямые ассоциации с Иудой Искаротом, предавшим Иисуса Христа за тридцать сребренников. Он получает такую кличку за постоянное надругательство над божественной природой слова. Герой Салова раскрывается иначе — не столько через лживые слова, сколько через циничные поступки, в которых обнажается его хищническое нутро, его паучий нрав. Но при этом психология центрального героя у Салова, по сравнению с героем Салтыкова-Щедрина, освещается не столь глубоко и всесторонне. Функцию художественного обобщения в рассказе Салова выполняет вынесенный за пределы текста эпиграф. Можно сказать, что Салов добивается полноты художественного охвата деревенской жизни не столько за счёт качества и глубины художественных обобщений, сколько за счёт количества представленных в его прозе героев, принадлежащих к одному типу и варьирующих его оттенки. Образы кулаков-мироедов раскрываются Саловым во множестве его повестей и рассказов. Таковы, например, Чесалкин («Мельница купца Чесалкина»), Глотов («Аспид»), Требухин

(«Грызунь») Уховертов («Арендатор»), Обертышев («Ольшанский молодой барин»), Живодеров («Голодовка») и другие. В этом обилии вариаций на тему характера хищника-миroeда сказывается природа тяготеющей к натурализму, «описательной» манеры Салова-рассказчика. Отсюда – особое пристрастие его к диалогической сценке. Не случайно рассказы Салова очень легко поддаются инсценировке. Это сближает их с новеллами А. П. Чехова. Но мнимое бесстрашие и объективность у Чехова преодолеваются точным и скупым отбором ёмких художественных деталей. У Салова такой отбор отсутствует.

В третьем параграфе «Трансформация тургеневских традиций в рассказе И.А.Салова “Мельница купца Чесалкина”» исследуется творческое усвоение автором традиций Тургенева. Они просматриваются в композиции рассказа, в приемах обрисовки характеров, в картинах природы с их сдержанной эмоциональностью и акварельной мягкостью, сходной по манере с тургеневскими «Записками охотника».

В работах о творчестве Салова принято отождествлять его пейзажи с тургеневскими. Но мы показываем, что, в отличие от Тургенева, народные характеры у Салова от природы чаще всего отчуждены. На смену единству и гармонии приходит контраст. А потому пейзажи Салова в сравнении с тургеневскими, менее индивидуализированы и более романтизированы: они не нацелены на изображение единства той или иной народной индивидуальности с тем или иным конкретным природным лейтмотивом. Напротив, их функция заключается в том, чтобы смягчить те драматические впечатления, которые автор-рассказчик получил от столкновения с безрадостными сторонами народной жизни.

В «Записках охотника» Тургенева отражена эпическая ситуация в жизни народа, а потому в центре внимания автора оказывается родство народных судеб и народных характеров. Лейтмотивные пейзажи сопровождающие «гнезда» жизнеспособных народных характеров,

тяготеющих к Хорю и Калинычу, органически перерастают у Тургенева в финал книги — в лирический очерк «Лес и степь».

Описания природы у Салова, напротив, почти всегда вступают в контраст с реальным состоянием народной жизни, утратившей былую гармонию, исполненной не эпического единства, как у Тургенева, а острого драматического распада и разлада. Даже в рассказе «Соловьятники» (1880) красота природы и соловьиного пения противопоставлена тому разобщению, доходящему до драки, который царит между ловцами соловьёв, ценителями их пения. Природа у Салова чаще всего гармонична именно потому, что она освобождена от присутствия человека. В ней сохраняется романтически просветлённая чистота и красота, которой лишена народная жизнь.

В четвертом параграфе «Народ и интеллигенция в рассказе И.А. Салова "Тернистый путь"» Салов подвергает сомнению краеугольный камень народнической идеологии — идею долга интеллигенции перед народом. В завязке этого рассказа читатель конца XIX века не мог не почувствовать достаточно явный социально-философский подтекст. Ключевую роль в подготовке народнического движения и в формировании духовного облика русского интеллигента 1870—90-х годов сыграли «Исторические письма» П. Л. Лаврова, вышедшие отдельным изданием в 1870 году под псевдонимом П. Л. Миртов. Лавров остро поставил перед мыслящими современниками вопрос о цене исторического прогресса.

«Исторические письма» Лаврова стали символом веры нескольких поколений русской интеллигенции. Они и воспринимались как своеобразный религиозный катехизис образованного человека, который мечтал стать тем самым «народным интеллигентом», о котором писал Глеб Успенский в очерке «Выпрямила» о сельском учителе Тяпушкине.

В рассказе «Тернистый путь» Салов погружает окрылявшую русскую молодёжь идею в повседневный деревенский быт и показывает всю её отвлечённость, книжность и умозрительность. В рассказ Салова проникает

организуемая его сюжет *идея долга выращенного крестьянской семьёй интеллигента перед своими близкими — матерью, братьями, сёстрами.*

Нельзя не обратить внимания, что и в этом, позднем рассказе Салова писателя не оставляет тень Тургенева. Финал «Тернистого пути» напоминает повесть Тургенева «Два приятеля». Судьба Алексея Лопатина подобна судьбе «лишнего человека» Вязовнина. Эта параллель знаменательна. Поздний Тургенев, создавая в романе «Новь» образ революционера-народника Нежданова, тоже наделяет его чертами «лишнего человека». Но Тургенев и здесь, в отличие от Салова, сохраняет исторический оптимизм. Рядом с революционером Неждановым он создаёт положительный образ «постепеновца» Соломина, сочувствующего революционным народникам, но избирающего для себя иной путь — практика-«постепеновца», чернорабочего русской истории. Некрасов прославил такого интеллигента в поэме «Кому на Руси жить хорошо» в образе Григория Добросклонова.

У Салова же этого оптимизма нет.

В заключении подведены итоги и намечены возможные перспективы дальнейшего исследования некоторых затронутых в диссертации вопросов. Анализ прозы Салова в контекста демократической и народнической литературы 1960—1870-х годов позволяет также сделать вывод, что творчество Салова оказалось предвестником нового художественного метода, который в конце XIX — начале XX века синтезировал в себе черты натурализма с элементами романтизма. Многие русские писатели-реалисты второй половины 1880-х—1890-х годов усиленно искали выход из паутины повседневности, из хаоса мелочей и подробностей, заслонявших от них дыхание целого, общественный пульс, бьющийся в глубине России.

Наша диссертационная работа не может с достаточной полнотой раскрыть все стороны и аспекты изучаемой проблемы. Перспективы дальнейших исследований мы видим в более пристальном изучении первого этапа творчества Салова с точки зрения проявившихся в нем особенностей художественного метода. Нуждается в изучении драматургия Салова в

контексте истории русской драмы 1860—80-х годов. Требуется более пристального внимания лишь затронутая, но не развёрнутая в нашей диссертации проблема типологических связей творчества Салова с прозой А. П. Чехова и В. Г. Короленко. Остаётся неисследованным богатое эпистолярное наследие писателя, его черновые и беловые автографы, изучение которых может пролить свет на проблемы творческой истории его произведений.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

В ведущих научных журналах и изданиях, рецензируемых ВАК РФ

1. Кулагина Т.В. Народная жизнь в произведении И.А.Салова «Паук» на фоне демократической и народнической прозы 60-80-х годов XIX века // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А.Некрасова. Кострома: КГУ им.Н.А.Некрасова, 2007. № 1. – объем 0,35 п.л.
2. Кулагина Т.В. Трансформация тургеневских традиций в прозе И.А.Салова и А.И. Эртеля // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А.Некрасова. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. № 2. – объем 0,45 п.л.

В других изданиях:

3. Кулагина Т.В. Условия активизации деятельности по формированию личностных качеств и духовной культуры подростка в процессе преподавания литературы (на примере рассказа И.А.Салова «Паук») // Педагогика и психология: общая и специальная: Сборник научных трудов КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. № 1 – объем 0,25 п.л.
4. Кулагина Т.В. Народная жизнь в произведении И.А.Салова «Паук» на фоне демократической и народнической прозы 60-80-х годов XIX века

- // Научные общества в учреждениях профессионального образования как фактор обеспечения подготовки высококвалифицированных кадров в соответствии с потребностями рынка труда: Сборник научно-практических трудов КОИПКРО. – 2006. – 0, 4 п.л.
5. Кулагина Т.В. Повесть И.А.Салова «Грачевский крокодил» в контексте антинигилистической прозы 1870-х годов // Научные общества в учреждениях профессионального образования как фактор обеспечения подготовки высококвалифицированных кадров в соответствии с потребностями рынка труда: Сборник научно-практических трудов КОИПКРО. – 2007. – 0, 35 п.л.
6. Кулагина Т.В Салов И.А. о духовном кризисе русской деревни // Духовно-нравственные основы русской литературы: Сборник научных статей: В 2 ч. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009 – объем 0, 5 п.л.

Смурыгина Татьяна Владимировна

**ДЕРЕВЕНСКИЕ РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ И. А. Салова
в контексте демократической и народнической прозы
1860—1880-х годов**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать:

Формат 60 x 90 1/16.

Усл. печ. л. 1

Заказ № 623

Тираж 120 экз.

Отпечатано:

ИП Евсень Н. В.

г. Кострома, ул. Красноармейская, 8. Тел. (4942) 45-12-91

